

Данила Ноздряков

**Люди
с пониженным
социальным
отверстием**

Сборник рассказов

Данила Ноздряков

**Люди с пониженным социальным
отверстием. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Ноздряков Д.

Люди с пониженным социальным отверстием. Сборник рассказов /
Д. Ноздряков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502154-0

Современная интересная жизнь страны УО в кратких рассказах, песнях, плясках, киносценариях, пьесах и миниатюрах Лиона Измайлова. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-502154-0

© Ноздряков Д.
© Издательские решения

Содержание

Люди с пониженным социальным отверстием	6
События 1. Знай, сверчок!	6
прелюдии 1. События 2. Несколько слов о благоустройстве	11
События 3. Велорайх	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Люди с пониженным
социальным отверстием
Сборник рассказов**

Данила Ноздряков

© Данила Ноздряков, 2019

ISBN 978-5-0050-2154-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люди с пониженным социальным отверствием (Одиннадцать Событий и восемь прелюдий)

События 1. Знай, сверчок!

Ну, это мы знаем. Нас таким не удивить. Это мы ещё в школе проходили на уроке литературы. Мы, можно сказать, люди учёные. Так вот.

Нынешние дети наверняка не знают этого. Они же ничего не знают и не учат. Они про призвание варягов делают феноменальные открытия лет в двадцать только, когда им какой-нибудь блогер расскажет.

А мы – люди взрослые, мы знаем.

И про то, как цирюльник Иван Яковлевич поутру нашёл нос в свежем хлебе, испечённом его супругой Прасковьей Осиповной. И про то, что узнал в найденном носе нос коллежского асессора Ковалёва, майора, стало быть, по военной иерархии. И как пошёл к Исаакиевскому собору и выбросил нос в речку, тоже знаем. Да, и про то, как поутру того же дня пришёл в себя после сна коллежский асессор Ковалёв и хотел выдавить прыщ на носу, но не нашёл ни прыща, ни носа. Известная история.

И в дальнейшем был терабайт этих историй о частях тела, ушедших жить своей жизнью. У режиссёра Чеважевского сбегал половой орган мужской, у драматурга Шварца – тень от человека, у философа Делёза – тела были совсем без органов, у писателя Ларина разбирали людей на части. И ничего.

Нас таким не удивить.

Но, с другой стороны, стань вы сбежавшей частью тела, захотели бы возвращаться на место? Думаю, воспротивились тому, что за вас решают, какое там есть топологическое или космологическое место, к которому вам необходимо принадлежать. Кто это постановил, кто вздумал указывать на эту принадлежность?

Выплываете вы из Невы – для простоты обращения заменим местоимение «вы» на «Нос», хотя и это немного пахнет тоталитаризмом, если, конечно, это не нарушает ничьего достоинства, когда речь идёт о таком органе, как нос, но заранее приношу извинения, если кого-то зашеймил – выплывает Нос из Невы и, отсмаркивая противную воду и остатки хлеба, перекачивается до берега.

Хотя лучше пусть Носа достанет из воды будочник. Понажимает на него, чтобы вода вышла, и потащит к себе в будку, чтобы от насморка скоростно не скончался.

Сидят они в будке, значит. Будочник разливает по стаканам водку. Жена его яичницу жарит, а Нос исподтишка наблюдает (чем? чем?) за её пухлотелыми локтями, как Обломов из ненаписанного ещё в это время романа «Обломов» за локтями Агафьи Матвеевны Пшеницыной наблюдал.

– Ну, давай, для сугреву!

Будочник Мымрецов влил в себя стакан. У Носа никак не получалось, в связи с отсутствием рта. Всё вдыхал в себя этиловые пары, но количество спиртного не убавлялось.

– Экая вы барышня кисейная! С непривычки нашего напитка не разумеете.

Нос не хотел оплошать перед новым знакомым и со всего маху втянул в себя жидкость из стакана. И сил своих не рассчитал. Или, наоборот, перерассчитал.

– Ну, шельма, и сразу выхлестался! Рай, вас таким манерам в ваших благородных патиссонах обучали? Ну, будя, спать идите, коль так, вашескобродие!

Нос откнулся в соломенный тюк и тотчас от всех пережитых с ним событий уснул.

– И зачем ты этого охламона притащил? – завела шарманку будочница Авдотья.

– Ишь ты, сиверка, развылась! Неужто не понятно, что человек он благородный. И за заступничество, авось, наградит меня. Завтра его снесу к графу Н., пушай распознает единоутробного брата в ём.

– Тоже мне человек! Срамота какая-то, а человека не видать.

Но на утро будочнику не удалось снести Носа к графу Н., под коим подразумевался, может быть, графу Нулин даже, тогдашний Начальник МБОУ Ы «Управление Департамента Управления Внутренних Дел Министерства Внутренних Дел По Санкт-Петербургской Губернии И Городу Санкт-Петербургу, Северной Пальмире И Петра Творенью». Нос – в пространственном отношении штука маленькая и случайно вывалилась во время прохождения сна за пределы будки будочника.

Воробьи клевали овёс из лошадиного навоза. В нём чудесным образом оказался Нос. Воробьи пытались полакомиться Носом, но каждый раз он вылетал из клюва. Тут Носу не до сна уже было. Он издал ужасающий вопль. Непонятно каким местом, но издал. Воробей на всякий случай испугался и по-бейсболистски зашвырнул Носа куда подальше. От своих сородичей за такие проделки по разбрасыванию еды, воробей получил под хвост коленом. Непонятно, где у птиц колена, но один мой знакомый написал в своём одном стихотворении: «Деревья стоят по колено в снегу». Licentia poetica.

«Куда подальше» оказалось домом на углу Средней Мещанской и Столярного переулка. В пятом этаже находился вертеп разврата и совсем не богоугодное заведение – маленькая комнатушка размером с две дюжины гробов. В ней проживали две Вавилонские блудницы, две девицы с пониженной социальной ответственностью, но с повышенным сребролюбием и чело-веколюбием. Звали их традиционно: Раиса и Анфиса.

– Раиска, ты гляди, кто это у нас свистульку свою забыл?

– Мелкая она, не шармант. Азиат твой, который давеча приходил, – он и потерял. У них же всё не как у людей сделано, можа и отстёгивается.

– Ах, ты змеюга подколодная! Никакие азиаты ко мне не заходят!

После драки подушками осталось много перьев. И две товарки решили приклеить их к Носу.

– Сейчас в Париже и лучших домах Сан-Марино модны кенары с Канарских островов. Будем говорить, что нам тоже подарили. Что мы хуже других?

Перья на Носу покрасили жёлтой акварелью.

Внизу постоянно что-то громыхало. Нос хотел задать по этому пункту вопрос, но дамочки его опередили.

– Наш номер находится прямо над кегельбаном.

Поздно вечером, когда совсем смеркалось, в комнатке Раисы и Анфисы собралась самая артистическая публика. Это были жестянщик Шиллер, жена коего не отличалась благопристойным поведением, сапожник Гофман и увязавшийся за ними художник, разыскивающий некий дом в Столярном переулке.

– Мне в последнее время все лица жёлтыми кажутся, будто в Китае я жить изволю. Вот и мышь мне ваша жёлтой кажется, как безумие в стихах символистов.

– Это не мышь вовсе, а кенар с Канарских островов. Стыдно не знать образованному человеку таких симпляшозов.

– Больше походить на шнабель. Найлих айн офицер приходить цу мир просить укоротить шнабель его шапог.

– Давайте заниматься тем, для чего мы здорово здесь сегодня собрались. Пить портвейн и устраивать кровавую оргию во славу Бафомета.

После чего артисты с куртизанками принялись творить вышеизложенное. Раиса облизывала <пропущено слово> Анфисы, на Раису сверху <пропущено слово> Шиллер, а Шиллера

резал по <пропущено слово> Гофман. Хлестала кровь и некая белая субстанция. Носа хотели использовать в качестве щекотуна для пущей весёлости, но он запутался в срамных волосах Анфисы, и его откинули на пол.

Благородная душа художника не в силах была видеть столь омерзительных событий. Он немедленно ретировался, прихватив с собой облепленного перьями Носа. Ибо тому, как благородному человеку, тоже стало прескверно находиться в обители похоти. Даже сопли от возмущения надулись зелёными пузырями.

«Жёлтыми», – исправил художник.

Носа он назвал единственной живой вещью в том приюте похоти и реминисценций на Луку Мудищева.

Но и у художника Нос долго не задержался. Художник увлёкся игрою в азартные карточные игры с призраками и стал распродавать своё имущество. Пришла очередь Носа.

– Прощай, Нос! Ты был мне хорошим другом, но теперь мы расстаёмся. Так велено судьбой, – сказал художник на прощанье.

Носа купил киргизский философ Аполлон. Он положил его в свой коржын с бубенчиками и повёз домой, в степь. На случай калыма своей старшей дочери. В степи уже выпал снег, и приходилось сниматься с кочевья. Было много дел. А тут рара приехал с Носом.

– Я же просила тюнюр атласный, а не это! Меня с таким приданным никто не украдёт! – возмутилась его старшая дочь.

Носа пробовали приспособить по хозяйству. Запрягали вместе с собаками в упряжку – события происходили в начале XIX века и тогда мало, кто мог провести границу между киргизами (казахами) и народами Крайнего Севера, оттого и пошла сия нелепица – подкладывали под седло, чтобы лучше ездить верхом, пробовали плов в нём делать и кумыс им наливать.

От Носа не было никакой практической пользы. К тому же выяснилось, что он вполне сносно говорит и понимает по-киргизски. Другим языкам он оказался не обучен, а на киргизском изъяснялся даже с некоторым изяществом. С киргизским философом Аполлоном они стали вести долгие и пространные беседы.

– Мне бы хотелось узнать, кто я такой и откуда случился, – Нос вдыхал табачный дым.

– Все мы дети единого бога и пришли с далёкой планеты Мардука, – киргизский философ выдыхал табачный дым.

– Мы все – братья и сёстры, значит? А я смогу найти свою мать и своего отца?

– Да, мы все – братья и сёстры и появились в результате палеоконтакта. Кроме тебя. Ты – нос.

– И что мне делать?

– Искать место, от которого ты отвалился.

– Но не оскорбительно ли это для меня? Не свидетельствует ли это о том, что я являюсь частью, а не полноценным феноменом, субъектом международного права в духе современных немецких теорий?

– Но разве не все мы – часть чего-то большого? В этом и заключается наша феноменальная сущность, что являясь частью, мы презентуем всю целостность. А ты – просто нос и всё.

Заканчивалась долгая полярная ночь, а они продолжали свои беседы. Однажды туземцы докочевали по Голодной степи до Петербурга.

– Здесь нам надо расстаться, – сказал Носу киргизский философ Аполлон.

– Но я не хочу...

– Ты должен найти своё место.

– Мне нравилось у вас. Может быть, я нашёл дом у вас? Нашёл своё место, свою семью?

– Нет, этого не может быть в природе.

– Почему?

– Ты не плоский. Ты – курносый. Тебе искать в Петербурге своё место пристало.

понадёжнее. И сделка уже готовилась состояться, как к двум жандармам, задержавшим Носа, подошёл ещё один и воскликнул:

– Батюшки, как он на нашего начальника похож, на Виктора, его сиятельства, Васильевича!

– Не бреши!

– Вот те крест! Вылитый он! Он у нас тоже всегда с красным носом ходит.

– Никак отвалился.

– Истинно так!

Носа понесли к жандармскому генералу Виктору Васильевичу. Тот, увидев, Носа только беззлобно усмехнулся.

– Нос у меня всегда красного цвета, оттого что я пью много водки и всегда пьян. Но я его нигде не терял, хотя вчера изрядно нажрамшись был. Но тут вот какое дело, раз он – тоже красный, то, вероятно, мой родственник. Как в индийском кино. А мой родственник должен обязательно находиться при солидной должности, иметь дачу и ездить в карете при орденах и лентах. Делать нечего, и поступить супротив сложившихся регламентов я не имею морального права.

И вот представьте, что пройдя все эти перипетии судьбы, достойные Мельмота-ски-тальца, вы усаживаетесь на атласную подушечку в карету, чтобы ехать на заседание Государственного Совета, как является какой-то майоришка Ковалёв и требует вернуться обратно. Как тут вернуться?

Где справедливость, люди добрые?

прелюдии 1. События 2. Несколько слов о благоустройстве

Все люди хотят ездить по ровным хорошим дорогам, таким, как в Германии. Но не все люди знают, что хорошие ровные дороги были созданы в Германии силой философской мысли Мартина Хайдеггера.

Для перенесения опыта Германии на отечественную почву, оживим Мартина Хайдеггера при помощи священного оживлятора, изобретённого Александром-Айзеком Солженицыным.

Мартын Хайдеггер оживает и идёт по неблагоустроенной улице. Он подходит к КАМАЗу и вываливает из его кузова кучу горячего асфальта. Он, несомненно, супергерой. Дальше Мартын Хайдеггер просит транслировать всё происходящее прямой речью его слов.

Вот идёт по улице Людвиг Витгенштейн, длинный, как сопля. Заведу с ним разговор, о том, о сём.

Он не замечает, что я ему ставлю подножку, и он падает в кучу горячего асфальта.

Сейчас будет веселуха! Я катаю старину Людвигу взад и вперёд по горячему асфальту. Я знаю, он любит, когда в зад, но и вперёд немного приходится.

Смотрите, какая ровная широкая дорога получилась! Как в Германии, даже лучше. Это все, ибо нехуй в языковой игры нырять. Нужно просто самим заниматься благоустроительными работами.

Можете не благодарить. Кстати, анекдот. Звонят тут Брежневу из ЦАР, говорят, что на съезд Африканской компартии не приехал один делегат. Брежнев отвечает: «Витгенштейн покрашен асфальтовой крошкой, сохнет». Ахахахаха!

События 3. Велорайх

Меня попросили, но сам я долго и упорно отказывался. Потому что не китаец совсем, и искусству красивого письма не обучен. Но раз надо, значит, надо.

Биография моя обстояла следующим образом. Сами вы могли уже заметить, что я по происхождению – не местный, а родился, выучился, подрос, первый раз потрахался, извините, совокупился, работал, отдыхал, приносил кровавые жертвы, женился, родил сына, построил дом и вырастил дерево познания добра и зла в рабочем посёлке имени Скотного двора. Сокращённо, РПиСДа. Недалеко от Глубокого Севера он расположился.

Ко временам Лихолетья, периодически повторяющегося в наших краях раз в сто лет, я уже обжился семейным хозяйством, стойкой привычкой к потреблению этилового спирта и насвая, а также трудозанятостью обзорщиком видеоигр в «Денди». В общем, слыл приличным человеком, а не каким-то там прожигателем жизни, прощельгой.

Доход стабильный, и занятость приносила некоторое количество удовольствия. Только очень меня расстраивал профессор Молиарти, босс одного уровня из «Чёрного плаща». Вот никак мне не удавалось его пройти! Бегает себе он, значит, ремонтирует поломанные огненные машины, которые в меня огнём пуляются, а я должен его гасить. А тут огонь со всех сторон в меня шарашит. Ну, пиздец, извиняюсь, просто, а не уровень. Вся жопа в мыле, пока пройдёшь.

И ещё в Робокпе две штуки роботов-ниндзя, как боребухи, ко мне приставали и норовили всё какой-нибудь кусок железа от меня отхерачить. Срамота, да и только. Так, глядишь, все задроты могли к другим летсплеерам перейти, и, считай, благосостояние накрылось бы микроволновкой.

Но не тут-то было. В рабоче-поселковую стену постучала великая беда из другого места. Кажется, это была печень, но сейчас уже точно никто не вспомнит. Правда, беда была чуть поменьше, чем в прошлое Лихолетье. Однако всё равно ущерб от беды ожидался значительный и включал в себя разрушение промышленности, привычного уклада жизни и введение трёхпольного севооборота злаковых трав.

По случаю Лихолетья и стучащейся беды, жители РПиСДы перешли грань дозволенного алкоголизма. Прежде считалось, что ежедневно после трудозанятости нужно выпивать по бутылке пива или сто граммов водочной продукции, а в пятницу вечером и субботу можно устраивать псевдозапой со старым добрым ультра-насилием. Теперь же все дружно принялись устраивать непрекращающийся даже в рабочее время натуральный запой. Его результатом стало, так сказать, множество эксцессов на почве смертоубийства.

Вот один из многочисленных примеров. Выйдя в отставку, офицер рабоче-поселковой стражи вдовая Ангелина Петровна принялась якшаться с различными неприличными компаниями, коим ещё во времена Четвёртой Относительной Стабильности было высочайше разрешено бомжевать и находиться в состоянии постоянного алкогольного опьянения. Даже мужа себе гражданского приискала, Толика, из бывших Бывших. Стали жить вместе и проводить время в коротании времени. Но в связи с тем, что Ангелина Петровна была на три дня юнее Толика, он постоянно ревновал молодуху к собутыльникам и отрезал у гражданской жены по кусочку плоти во время каждой сцены ревности.

Однажды в пылу посиделок, Толик не выдержал конфронтации с этиловым спиртом и плашмя уснул под табуреткой. Ангелина же Петровна выдержала и продолжила распивать спиртные напитки с находившимся в её квартире общим приятелем – безногим соседом по лестничной клетке Иванычем. Внезапно Толик неудачно во сне повернулся и опрокинул шкаф на сидящих за столом выпивох. Иваныч, придавленный мебелью, повалился на Анге-

лину Петровну. От шума вскочил Толик, и его сей же час обуяла мания ревности от увиденной картины.

В этот раз гражданский муж решил не размениваться на отрезание кусочков плоти и целокупно зарезал Ангелину Петровну с криком: «На калеку променяла меня, сучара мусорская!». После чего вернулся на своё спальное пристанище, а весь рабпосёлок потом ещё три дня кривил рожи от смеха над записью со скрытой камеры, коими оборудованы все квартиры РПиСДы. На ней инвалид Иваныч забавно уползал с места кровавой драмы.

Пока основная масса жителей рабочего посёлка имени Скотного Двора придавалась алкогольному угару, более деловитая часть населения принялась за дело. Перво-наперво она разделилась по интересам на несколько враждующих друг с другом группировок. Так проще воровать деньги и делить асфальт, хотя никакого асфальта у нас в посёлке отродясь не было: одни бурьяны, да купыри. Официальная же власть ничего лучше не придумала, как на центральной площади организовать перманентное выступление звёзд популярной эстрады и каждые полчаса запускать фейерверки, несмотря даже на дневное время суток и то, что из всех звёзд популярной эстрады согласился выступать лишь Егор Криденс Клирвотер Ревайвал. Кстати, на центральной площади за всё время своего перманентного выступления он успел записать 42 миллиарда новых альбомов, прежде чем был убит служителями чёрного культа пончиков с шоколадной посыпкой.

Главной и опаснейшей группировкой считалось сообщество пурпурновласовых библиотечарш, способное замедлять сердцебиение людей вплоть до нитевидного пульса с помощью кладбищенской скуки и могильной тишины. После того, как они подмяли под себя банду театралов и корпорацию учителей-педофилов, их шансы на царствие в рабочем посёлке возросли до апогея. Ещё сильнее упрочнились они, когда в объединение влилась небольшая, но безумно опасная бригада поклонников творчества Сергея Эйзенштейна под руководством идиотически пассионарной Почётной деятельницы региональных творческих искусств Янины Яниной.

Во второй сильнейшей группировке объединялись в священную унию поклонники творчества великого отечественного поэта Александра Сергеевича Пушкина. Это ответвление общенациональной сети, подробную историю которой можно проследить в фильме Юрия Мамина под названием «Бакенбарды». Посему про них особо тут не будем распыляться.

Разобщены оставались фанаты студенческих команд КВН: «Метрополис», «Скорейшей смерти» и «Динамо». Конечно, числились фанатские группировки и столичных команд. На выступлениях они оказывали поддержку своим любимцам кричалками, вроде «Метрополь сосёт моль», «Скорейшей смерти для Скорейшей смерти» и «Эй, Динамо, жемчужина КВНа/ Эй, Динамо, не может жить без члена/ Эй, Динамо, ты самый сраный клуб/ Так, отсоси, Динамо, три тысячи Кивинов». Также часто они поддерживали свои команды на выступлениях в поселковом доме культуры «Красный Факер» новогодней пиротехникой и раскрашиванием собственных физиономий в клубные цвета аквагримом.

От пиротехники же дом культуры и сгорел поздним ноябрьским вечером на финале районного чемпионата клубов весёлых и находчивых. Главным козырем фанатов считалось накрыть оппонентов внезапной шуткой, называемой экспромтом. Однажды со смеху полегла даже бригада «скорейшесмертцев» от экспромта «метропольцев».

Наиболее наименее опасной и примечательной из всех бригад были велосипедисты. Приверженцы катания на двухколёсных драндулетах на жаргоне именовались бесами; они обычно ездили за городом и пытались давить сельских дерибасов. Но опасности не представляли, потому что под колёсами машин ещё неорганизованной банды автомобилистов погибало гораздо больше бесов, чем сельских дерибасов под колёсами велосипедов.

Так продолжалось до тех пор, пока бесов не возглавил человек по фамилии Ставрогин. Он-то и привёл их к торжеству на рабоче-поселковом уровне и даже личному приему у рабоче-поселкового администратора. Новый руководитель, получивший титул велофюрера, внёс на обсуждение разумное предложение: главной группировкой станет тот коллектив, который за 14 дней сможет переистреблять-переубивать большее количество людей. В ратуше эту инициативу всеобще одобрили.

Был составлен документ под названием «Весёлый прейскурант смертей», в котором подробно расписывалось, сколько очков даётся за того или иного невинно убиенного. Меня как признанного эксперта по видеоиграм пригласили в комиссию по написанию списка.

Так, за убийство беременной женщины давалось полтора очка – неизвестно кем вырастит её дитяtko и оценить его, как полноценного очкового человека не представлялось возможным. Значительно выше ценились учителя, врачи, особенно логопеды, и инженеры человеческих душ, а также мракобесы. Они могли произвести на свет Божий множество достойных людей, значит, за их ликвидацию давалось по тринадцать очков. Чиновников и депутатов имелось в достаточном количестве, но пользы они не приносили, поэтому их убийство вообще не засчитывалось. Ниже всего ценились сельские дерibasы, за них доставалось всего пол-очка.

Путём неимоверных усилий, не покладая насосов и покладая звонки, денно и ночью выезжая в поля, где отсутствуют оборудованные велодорожки (к слову, отсутствуют они не только в полях, но и во всём раб. посёлке) и стайками прикладываются употреблять алкогольные напитки и отдыхать после употребления алкогольных напитков сельские дерibasы, к ноябрю бесы смогли довести свой рейтинг до порядка семнадцати тысяч двухсот сорока трёх с половиной очков (17 243,5 points), тем самым выиграв электоральную кампанию и продвинув Ставрогина в должность рабоче-поселкового шерифа.

В день восшествия Ставрогина в чертоги рабоче-поселкового шерифа, бесы решили устроить ночной велопарад. Меня пригласили в качестве почётного гостя, и, уходя на бисиклетный шабаш, я сказал жене: «Ну, надеюсь, новые времена наступили, и мы вдоволь наедемся кильки в томатном соусе».

На единственном балконе единственного в рабочем посёлке двухэтажного дома из силикатного кирпича стоял Ставрогин и держал речь. Но, увы, вождь бесов был глухонемым, поэтому общался с собравшейся толпой исключительно жестами и нечленораздельными звуками. Вдобавок, во рту Ставрогин держал кусок рязанского сыра пармезан, а в другой вытянутой руке у него была зажата велосипедная цепь. И когда один крикнул: «Ымбму!», миллионы ответили перезвоном велосипедных звонков, а некоторые даже жали на клаксоны. Этим одним, естественно, был глухонемой Ставрогин. А миллионы – все двенадцать велосипедистов нашего рабочего посёлка и пятилетний Миша на своём трёхколёсном лисапедe, которого отпустили на ночной велопарад родители, только в связи с тем, что не застали начало новых времён и продолжали прибывать в длительном запое.

После приветственного возгласа мямленья и ответного звона, участники велопарада подожгли обмазанные машинным маслом велосипедные цепи и поехали к зданию ратуши, в народе высокопарно именуемой сельсоветом. По дороге длиной в пятнадцать метров не справился с управлением и заехал в канаву опытный велосипедист Куцевол и переломал себе конечности. От испытанной травмы опытный велосипедист скончался на следующие сутки.

Всем хотелось что-нибудь поджечь. Вначале взоры бесов мысленно устремились на дом культуры «Красный Факер», но, оказалось, что его ещё не восстановили после предыдущего пожара. Затем бесы решили спалить все книги, направленные против велосипедного движения, из находящейся тут же, на площади перед сельсоветом, библиотеки. Вышло так, что в местной библиотеке хранилась всего одна книга, косвенно связанная с победившими

бесами – «Энциклопедия юного велосипедиста» за 1977 год. Её решили не поджигать, а провозгласить своей Конституцией, иными словами, основным законом победившего движения.

За неимением более достойных претендентов, придали огню велосипедиста Автономова, как самого старого участника сообщества. От полученных ожогов Автономов скончался моментно с Куцеволом.

Двухколёсный шабаш после пиромании и утверждения основного закона вошёл в приемлемые рамки. Ставрогина назначили велофюрером всего рабочего посёлка; рабочий посёлок имени Скотного Двора переименовали в Велорайх (аббревиатура расшифровывается, как Велосипедное районное хозяйство); гимном выбрали песню «Я буду долго гнать велосипед, в глухих лугах его» на слова Николая Рубцова в исполнении Александра Барыкина, в которой строчка «в глухих лугах» предварительно благоразумно заменена на «в слабослышащих лугах»; растлили пятилетнего Мишу вместе с его трёхколёсным лисапедом; вместо стяга укрепили красный флаг с белым кругом посерединке, в котором было заключено чёрное велосипедное колесо с чёрными спицами; не оставалось ничего иного, как принять в качестве герба чёрного двуглавого орла из Вархаммера, держащего в лапах чёрное велосипедное колесо с чёрными спицами. Это немного отдавало цыганщиной, но в политике зачастую надо идти на компромиссы.

На этом решили первый день правления закончить, и разъехались на велосипедах по домам. Правда, во время возвращения домой неизвестным мне и всем жителям Велорайха способом погиб бес Сатанистов.

На второй день существования Велорайха всех жителей рабочего посёлка согнали на главную и единственную площадь перед сельсоветом, сгоревшем домом культуры «Красный Факер» и гостиницей «Хильтон Гарден Инн» и попросили поделиться на две шеренги: направо – те, кто состоит в запрещённых сообществах, налево – обычные поселковые обыватели. Вернее, сообщества не были ещё запрещёнными, но стали таковыми после прочтения соответствующего декрета Ставрогина его первым вице-заместителем Уляндшпигелем. Из незапрещённых сообществ осталась числиться только группировка бесов, состоящая на соответствующий момент времени из 8 велосипедистов, одного растлённого пятилетнего Миши на трёхколёсном лисапедике и одного велофюрера Ставрогина; банда, которая отныне в торжественной обстановке стала именоваться Партией Резины и Насоса. Или, для простоты, зинососами.

Удивление бесов-зинососов достигло критической отметки, когда они увидели, что все жители Велорайха сделали шаг направо. Иными словами, оказались состоявшими в недозволенных запрещённых сообществах. Это было непростительным преступлением и, к тому же, крайне негигиеничным – группировку фанатов студенческих КВНов и заезжих столичных гастролёров хотели было обвинить в сектантском сожжении дома культуры «Красный Факер», а все остальные запрещённые сообщества – в пособничестве этой случившейся хуеврти, извините за выражение, этом неправильном поступке.

Девятеро зинососов, из которых пятеро были женщинами, трое – лицами пенсионного возраста старения, и один – пятилетним растленным Мишей на трёхколёсном лисапедике, принялись было совершать попытки задержания остального населения Велорайха, но ничего добротного из этого не выходило. Как бы меж делом зинососам вставляли палки в колёса, и они кубарем падали со своих стальных коней и калечили себе различные органы. От перенапряжения сражения у зинососки Зинаидовой даже раньше времени пришли менструации, и только благодаря им удалось согнать всех обитателей Велорайха в рабоче-поселковый концлагерь, оборудованный из бывшего придорожного кафе «Кандомбле».

Собственно, изолированные оказались даже рады такому обороту событий. И от кровавых струй Зинаидовой надёжная защита обеспечена, и пожрать на ближайшее пару времён есть чего. Особенно, выпить.

Зиносам, тем не менее, оказалось мало пушенной в этот день крови, и они захотели ещё. Тогда было решено действовать согласно известному принципу, заложенному маркизом де Садам и казнить в первую голову палачей.

Зинаидову уложили на землю – после своей проделанной вакханалии струеизвержения она сильно ослабла и потеряла способность ко всякому виду сопротивления – и по команде Ставрогина, озвученной первым вице-заместителем Уляндшпигелем, начали коллективно пересекать тело женщины велосипедами, словно танками в одноимённой игре на «Денди». Так и катались туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, или, сунь-высунь, как сказал бы Алекс из «Заводного апельсина».

Продолжалось это до тех пор, пока вся кровь не вытекла из Зинаидовой и вполнину не впиталась в землю. Остальную половину собрали в трехлитровый целлофановый пакет, положили на сковороду, как листок Ворда, и в таком виде приготовили спартанскую похлёбку.

На третий день Ставрогин закончил чтение книги Даниила Проэктора «Фашизм: путь агрессии и гибели» и пришёл к осознанию, что установившийся в Велорайхе режим слишком уж напоминает гитлеровский. Следовательно, придёт к неминуемому окончанию. Окончания же велосипедного режима здоровья Ставрогин никак не желал никоим образом действия.

Спросите меня, откуда я узнал мысли Ставрогина? Я же не всевидящее око Саурана, чтобы знать такое. Занялись бы вы лучше другими более интересными вещами, а не похабными такими вопросами. Как, например, хотя бы подумаете, откуда взяться на географической карте постиндустриальной страны рабочему посёлку? Вооооот. А вы говорите...

Поэтому Ставрогин решил декретом ввести в обязательность повседневности культ своей ныне покойной матери купчихи Губсолтановны. Или, как он произносил, Бупбупбэ. Одновременно в этом же декрете он повелел установить её памятник из саманного кирпича на главной и единственной площади Велорайха. Но уникальный специалист Прохоров, умевший овладевать искусством установки монументов из саманного кирпича, находился в данный момент времени в концлагере, оборудованного из бывшего придорожного кафе «Кандомбле». Посему с установкой памятника решили повременить.

Дабы совсем отличаться от национал-социалистов, зиносам повелели поменять походную песню с «Wacht am Rhein» на «В Банном переулке» и исполнять её во время ночных факельных велопарадов. Проводили их, правда, днём, во избежание несчастных случаев.

Слова в новой песне, значит, были следующими:

*В Банном переулке
банички живут.
Потру они как встанут,
бани как возьмут,
как ударят в бани,
двери настезь отворя...
Где же, где же, баничек,
баничка твоя?*

*В Банном переулке
баничек нет, хоть плачь.
Лишь грохочут бани
ненасытные, хоть прячь.*

*То ли утренние зори,
то ль вечерняя заря...
Где же, где же, банищик,
банища твоя?*

Ничего более примечательного в третий день не произошло, кроме смерти от импотенции во время попытки коитуса с одной из оставшихся зиносок первого вице-заместителя Уляндршпигеля. На его место временно исполняющим обязанности первого вице-заместителя – sic! – был назначен я, выпущенный на поруки из концлагеря, оборудованного из бывшего придорожного кафе «Кандомбле». Всё-таки оценили мои способности и успехи обзорщика видеогр на «Денди» и участие в составлении «Весёлого прейскуранта смертей». Но в партию так и не приняли, так и не приняли. Ну, и хрен, то есть, ну, и ладно, с ней, с ним, с финским плащом!

На четвёртый день ничего примечательного не произошло, кроме того, что растлённому пятилетнему Мише на трёхколёсном лисапеде исполнилось шесть лет, и он, цитирую, перестал хотеть быть велопидором и послал всех в и на (слово пропущено). А сам присоединился к проезжавшей мимо сквозь рабочий посёлок группе байкеров-мотоциклистов на трёхколёсных мотиках. И умчался в неизвестном направлении в сторону детского садика.

На пятый день, оказалось, что езда на велосипеде очень способствует развитию феминизма у женского пола. Зря этого в своё время не знал Ставрогин. Ведь ещё 2 февраля 1896 года в интервью газете «New York World» знаменитая африканская суфражистка Сюзен Энтони заявила следующее: «Я думаю, что велосипед сделал больше для эмансипации женщин, чем всё остальное вместе взятое. Он даёт женщинам ощущение свободы и независимости. Сердце моё наполняется радостью всякий раз, когда я вижу женщину на велосипеде... это – зрелище свободной, неугнетённой женщины».

В юбке же на велосипеде не катаешься, исключительно в портках!

Три количества зиносок под покровом ночи удалились в соседний рабочий посёлок имени какого-то там очередного съезда металлостов и заняли там глухой обороной никому не нужный развалившийся дом. Здесь они принялись предаваться любимым феминистическим телодвижениям: приклеивать себе разноцветное говно на волосы подмышек и бросаться из окошек во всех проходящих представителей мужского пола использованными тампонами и прокладками, а то и вовсе использованными поролоновыми губками.

В ответ на новую феминистическую политику, представители мужского населения рабочего посёлка стали действовать согласно Бернской конвенции и частушке, известной с незапамятных времён:

*Мимо феминистического дома
Я без шуток не хожу.
То им х. в окно просуну,
То им ж. покажу.*

Извините, отчасти, за нелитературные обороты слога народного творчества. Такой вот он, народ, неполиткорректный.

По ночам из феминистического дома раздавались зловещие звуки, ибо как только три фемины оказываются на одной небольшой отдельно взятой территории, то тотчас начинают заниматься совокуплением путём ножниц.

мубу ымбу оба мымбу Бупбупбэ. Амбу мбу мбу ыбу мымбу опа убы мубу муммумубу ымбу оба мымбу Бупбупбэ. Амбу мбу мбу ыбу мымбу опа убы мубу муммумубу ымбу оба мымбу Бупбупбэ. Амбу мбу мбу ыбу мымбу опа убы мубу муммумубу ымбу оба мымбу Бупбупбэ».

От счастья услышанного скончался последний зиносос Страпонов-Гейбельс. И тоже, как позже раскрылось на свет дневной, от импотенции.

В ночь на седьмой день преставился и велофюрер Ставрогин. И тоже от импотенции.

Ничего не оставалось делать, как всем жителям Велорайха выйти на свободу из заключения в концлагере, оборудованного из бывшего придорожного кафе «Кандомбле». Тем более, что еда, и самое главное, алкогольные напитки в концлагере, оборудованном из бывшего придорожного кафе «Кандомбле», иссякли.

Вместе со смертью велофюрера Ставрогина закончилось Лихолетье, и началась очередная сорокадневная Эра Относительной Стабильности. Так издревле у нас повелось, что одна эпоха сменяет другую, согласно заведённому раз и навсегда метафизическому порядку вещей.

На радостях освобожденья жители Велорайха хотели спеть песню Джонни Кэша «Redemption Song», но, увы, не знали слов этой композиции. Осерчав, они решили снести памятник купчихе Губсолтановне из саманного кирпича на главной и единственной площади рабочего посёлка, известный так же, как Монументум Бупбупбэ, но и здесь их постигла неудача. Памятник установлен не был, так как уникальный специалист Прохоров, умевший овладевать искусством установки монументов из саманного кирпича, находился всё время существования диктатуры бесов-зинососов в концлагере, оборудованного из бывшего придорожного кафе «Кандомбле».

Чтобы хоть как-то реабилитироваться, жители Велорайха разломали на доски здание сельсовета, как оставшийся от старого строя символ кровавой диктатуры и проклятого тоталитарного режима велосипедистов. На том и остановились.

Что ещё можно здесь присовокупить? Велорайх обратно переименовали в рабочий посёлок имени Скотного Двора, сокращённо, РПиСДа.

Гимн, герб, флаг и Конституцию в виде «Энциклопедии юного велосипедиста» за 1977 год отменили и поменяли на новые державные символы рабочего посёлка.

Возглас «Ымбму!» и ответный миллионный перезвон велосипедных звонков и даже гудение клаксонов запретили. Как запретили и ночные факельные велопаралы, проводящиеся в дневное время суток.

После процедуры девелофикации я вернулся к своему привычному занятию обзорщика видеоигр на «Денди». Опять меня очень расстраивал профессор Молиарти, босс одного уровня из «Чёрного плаща». Опять никак мне не удавалось его пройти! Бегал себе он, значит, ремонтировал поломанные огненные машины, которые в меня огнём пулялись, а я должен его был гасить. А огонь со всех сторон в меня шаршил. Опять в Робокопе две штуки роботов-ниндзя, как боребухи ко мне приставали и норовили всё какой-нибудь кусок железа от меня отхерачить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.